

ТРИ МАЛЕНЬКИХ РАССКАЗА

В. Вересаев

Рисунок Мих. Милославского

1. ЮБИЛЕЙ

Слонялся по залам клуба подвыпивший господин. Зашел в один зал: длинный стол, уставленный яствами и винами, цветы, сидят люди; речи какие-то, звон стаканов. Девица у дверей куда-то отлучилась, и господин прошел беспрепятственно. Одно место с прибором оказалось свободным.

Сел. Сладким потоком лились речи.

— Скажите, пожалуйста, по какому случаю собрание?

Сосед удивленно поглядел:

— Банкет.

— В честь кого?

— В честь Ивана Ивановича Иванова. Сорокалетний юбилей.

— Юби... Юбилетный сорокалей?.. Он что, кажется, раний сорт помидоров вывел?

— Что вы! Писатель он.

— Пи-са-тель?.. Как его звать-то?

— Иван Иванович.

— Господин председатель, прошу слова... Дорогой Иван Иванович! Рад приветствовать вас с сорокалетием вашего славного служения русскому слову! Мы все выросли на ваших произведениях, мы все учились на них правде, добру и красоте...

Гром рукоплесканий, крики:

— Правильно!

— Вы всегда высоко держали знамя, вы всегда были верны завету великого нашего поэта:

«Сейте разумное, доброе, вечное!

Сейте! Спасибо вам скажет сердечное

Русский народ!»

Я думаю, что выражу единодушное мнение всех здесь присутствующих, если скажу: позвольте мне от лица русского народа отвесить вам низкий поклон...

Рукоплескания долго мешали оратору продолжать. Раздавались крики:

— Правильно! Вы выразили общее наше мнение! Браво!

— ...отвесить вам, дорогой Иван Иванович, низкий поклон и сказать: спасибо вам! Разводите и впредь помидоры с таким же успехом, как разводили до сих пор, и пусть еще не мало скороспелых сортов этого полезного овоща перейдет в потомство с вашим славным именем...

2. ЗЕЛЕНАЯ ЛОШАДЬ

Шел съезд коневодов. На трибуну поднялся щупленький субъект невысокого роста, с густыми, всклокоченными волосами, с озорными глазами, и заговорил пронзительным голосом:

— Вот уж несколько дней вы болтаете о различных породах лошадей...

Председатель строго прервал:

— Здесь не болтают. Здесь серьезно дискутируют.

— Я извиняюсь. Вот уже несколько дней вы «серьезно дискутируете» о различных породах лошадей: о свиноподобных першерах, об английских скаковых стрекозах,— тряхнули даже заплесневелою старушкой — арабской лошадью. Все это никчемная болтовня... Извиняюсь, никчемная «серезная дискуссия». Вы не придетете ни к чему путному, пока не впустите себе в мозги простую и совершенно очевидную истину: единственная порода, которая способна вполне удовлетворить всем требованиям, предъявляемым к лошади нашею современностью,— это зеленая лошадь.

— Какая?

— Зеленая,

— Зеленая?

— Изумруднозеленая лошадь.

— Ха-ха-ха!

— Да! Зеленая лошадь с апельсинно-оранжевым хвостом.

Председатель еще строже сказал:

— Здесь обсуждаются серьезные вопросы, и шутки ваши совершенно неуместны.

— Я не шучу. Я именно самым серьезным образом...

Шум, гам, смех не дали ему докончить,

— Позвольте мне от лица русского народа отвесить вам низкий поклон...

— Довольно!

— Долой!

Оратор несколько раз пытался продолжать, но ему не дали. Он прозрительно оглядел шумевших и гордо сошел с трибуны.

В следующее заседание он опять появился на трибуне, такой же гордый и боевой:

— Пока вы серьезно не поставите вопроса о зеленой лошади...

— Да вы видели когда-нибудь зеленую лошадь?

— Нет, не видал.

— О чём же тут говорить?

— Когда Гальвани и Вольта исследовали такое, как будто пустяковое, такое курьезное явление природы, как электричество, видели ли они телеграф, телефон, электрическое освещение?

Это было так глупо, что осталось только развести руками. Седовласый член, знаменитый коневод, с тонкой иронической усмешечкой неопровергимо доказал в своей речи:

во-первых, нет никаких оснований ждать, чтобы мы смогли каким-нибудь путем вывести породу зеленых лошадей, так как не существует никаких животных с зеленою шерстью; во-вторых, совершенно непонятно, почему лошадь, раз у нее будет зеленая шерсть, окажется в каком бы то ни было отношении выше лошадей существующих пород.

Все смеялись и говорили:

— Правильно!

Молодой человек ринулся на кафедру:

— Не существует животных с зеленою шерстью! А скажите вы, учения древности: разве оперение птиц — генетически не то же самое, что волосы покров животных? В запыленные свои очки вы смотрите только на лошадей. Вы неспособны поглядеть вокруг глубже. Тогда бы вы увидели, ну, например, хоть зеленого попугая. Не ученого попугая людской породы — это попугай цвета самого неопределенного, — а настоящего яркоизумрудного новогвинейского попугая-самца!

В следующее заседание он опять стоял на кафедре и опять говорил о зеленой лошади. Сумасшедший? Нет, глаза смотрели твердо и сознательно. Ходил катался по зале. Скрестив руки на груди, оратор стойко переждал шум и продолжал:

— Великие художники в пророческом вдохновении высоко поднимают над путающимися в их ногах людьшками и указывают им на невозможные идеалы, которые, однако, блистательно осуществляются в будущем. И вот посмотрите: на всех знаменитых бронзовых конных статуях лошади зеленые.

— Да ведь и люди на них зеленые!

— Да, и люди. Не мешало бы и людям стать хоть немножко зелеными!

Это было уже не смешно, не глупо, а просто нагло. Аудитория дружно потребовала от председателя лишить оратора слова. Председатель предложил ему покинуть трибуну. Но оратор отказался. Усовещевали, убеждали — он заявил, что не сойдет, пока не доскажет, что хотел сказать. Ничего не оставалось, как насильно удалить его. Сторожа потащили оратора к выходу. Он громовым голосом протестовал против насилия, поминал Галилея, Джордано Бруно. Некоторые из членов недовольно морщились и говорили, что нельзя же все-таки стеснять свободу прений.

С тех пор не проходило съезда, не проходило заседания ученого общества, где бы не появлялась на трибуне маленькая фигурка поборника зеленой лошади. Он был великолепен: скрестив руки на груди, стоял под бурей криков и смеха, ждал с насмешливой улыбкой три, пять, десять минут и начинал говорить о зеленой лошади. Постепенно стали появляться приверженцы его учения, восторженные и непримиримые. Их становилось все больше. Теперь, когда их вождь появлялся на трибуне, смех, шум и возгласы негодования мешались с бурными аплодисментами.

Попрежнему спрашивали:

— Да видел ли кто когда-нибудь вашу зеленую лошадь?

Но теперь со всех концов зала раздавалось:

— Старо!

— Старо, старо!

— Придумали бы что-нибудь попнее!

В городе стоит большое красивое здание. На нем вывеска:

ИНСТИТУТ ЗЕЛЕНОЙ ЛОШАДИ.

Директором института состоит, конечно, он, инициатор всего дела. Под его руководством штат научных сотрудников с энтузиазмом работает над разрешением проблемы зеленошерстной лошади.

капитал! Дайте здесь концерт, в чем дело?

— Кто же пойдет? Кому мы известны? Да и кто возьмется устроить?

— Устроить возьмусь я. А пойдет весь Пыльск, если умело взяться за дело.

лось, что такого-то числа сего года в местном городском театре состоится

КОНЦЕРТ МОСКОВСКИХ АРТИСТОВ.

Артист Большого театра Аркадий Александрович Кимберовский исполнит арию Ленского из «Евгения Онегина», песню индийского гостя из оперы «Садко», арию герцога из «Риголетто» и другие популярнейшие арии.

Артистка Московского Художественного театра Зинаида Николаевна Черноморова исполнит монолог Нины Заречной из пьесы Антона Чехова «Чайка» («Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени...»), монолог Сохи из «Дяди Вани» («Мы отдохнем!.. Мы увидим все небо в алмазах...») и другие монологи из репертуара Художественного театра.

Кроме того местная пианистка-любительница Раиса Борисовна Славецкая исполнит несколько ноктюрнов Шопена, «Времена года» Чайковского и др.

Внизу афиши, как обычно, была помещена расценка мест, а под нею, не особенно бросаясь в глаза, но довольно четко, еще одна строчка:

БИЛЕТЫ В ПРОДАЖУ НЕ ПОСТУПАЮТ.

Вскоре после расклейки афиши у кассы городского театра стали появляться люди. Окошечко кассы было наглухо закрыто, однако за ним слышалась людской говор. Подошеллично одетый человек, робко постучался в окошечко кассы. Окошечко открылось, нетерпеливый голос спросил:

— Что надо?

— Я извиняюсь... Нельзя ли получить билетики на концерт московских артистов?

— Ах ты, господи! Вот народ!.. Ведь русским же языком напечатано в афиши: «Билеты в продажу не поступают».

— Мне всего парочку.

— Да поймите же, я не имею права продавать!.. Впрочем... Погодите минутку... — кассир долго изучал билетные тетрадки, вздыхал, наконец сказал: — Могу вам предложить пару билетиков во втором ряду, по пять рублей билет.

— Пожалуйста!

Гражданин радостно заплатил деньги, и кассир неохотно отрезал ему два билета.

Потом явился решительный гражданин мрачного вида и властно постучал в окошечко.

— Что надо?

— От профсоюза коммунального хозяйства. Десять билетов.

— Билеты в продажу не поступают.

— Меня это мало интересует. Для профсоюза билеты должны найтись.

Долго препирались, но в конце концов мрачный гражданин ушел победителем, отвоевав даже пятнадцать билетов вместо десяти, и гордо сказал своему спутнику:

— Я всегда сумею добыть! Не на таковского напали!

К кассе подходили все новые покупатели: и от профсоюзов, и от школ, и отдельные лица. Споры и препирательства у кассы становились все жестче, получать билеты с каждым часом становилось все труднее. Кассир плачущим голосом умолял оставить его в покое, вызывал к сознательности граждан.

В один день все билеты были проданы. Концерт прошел с аншлагом. КАК прошел, — это другой вопрос, до дела не относящийся. Молодые супруги получили свою часть, расплатились с гостиницей, весело и обильно поужинали с устроителем концерта и укатили в Москву.

О ТОМ, ЧЬЕ ИМЯ ВЕЧНО НОВО

Игорь Северянин

Воображаю, как вишнёво
И персиково здесь весной —
Под пряным солнцем Кишинева,
Сверкающего белизной!
Ты, Бессарабия, воспета
Ведь солнцем Пушкина, и без
Сияния русского поэта
Сияние твоих небес —
Пусть очень южных, очень синих —
Могло ли быть прекрасным столиц?
Итак, с голов мы шляпы скинем
И скинем с душ тоску и боль,
Ежеминутно ощущая,
Что в беспредельности степей
С цыганами, в расцвете мая
Скитался тот, кто всех светлей,
Кто всех родней, чье вечно ново,—
Всё напоенное весной,—
Благое имя, что вишнёво,
Как венний воздух Кишинева,
Насыщенного белизной!

ПЕСНЯ

М. Исаковский

На горе белым-белая
Утром вишня расцвела.
Полюбила я парнишку,
А завлечь не завлекла.
Я по улице хожу,
Об одном о нем тужу,
Но ни разу он не спросит,
Что на сердце я ношу.
Только спросит, как живу,
Скоро ль в гости позову,—
Не желает он, наверно,
Говорить по существу.
Я одна иду домой,
Вся печаль моя со мной.
Неужели ж мое счастье
Пронесется стороной?

3. КОНЦЕРТ

В городе Пыльске проездом из Крыма в Москву застряли после свадебной поездки молодые супруги Кимберовский и Черноморова. Он хорист Большого театра, она статистка Художественного. Оба очень милые люди. Но слишком уж они повеселились в Крыму. И вот целую неделю сидели в Пыльске, в гостинице не платили и были в таком же положении, как Хлестаков до переезда к городничему. И так же увидели они, как в столовой гостиницы какой-то коротенький человек ел семгу и еще много кой-чего. Разговорились. Коротенький человек узнал об их безвыходном положении и удивился:

— Артист Большого театра... Артистка Художественного... Это же

он поманил официанта и предложил изумленным супругам выбрать себе по меню обед. И заказал вина.

Отхлебывая из стаканчика малагу, коротенький человек говорил:

— Я не благотворитель, не меценат. Я по духу человек коммерческий. И сделаем мы так, если вы на это согласитесь. Я беру на себя все расходы по устройству вечера. А чистый доход разделим пополам. И еще вот что. Двоим вам трудно будет заполнить весь вечер. Моя жена — прекрасная пианистка. Она, я надеюсь, не откажется принять участие в концерте. Давайте-ка обсудим программу. Это — дело серьезное.

Сытые и счастливые, супруги воротились в свой номеришко.

Вскоре на домовых стенах и заборах города Пыльска появились большие яркие афиши. В них сообща-